

Жан-Жак рекомендует, или Как роман «Робинзон Крузо» стал книгой для детей

ОЛГА РОГИНСКАЯ

Ольга Рогинская. Кандидат филологических наук, доцент кафедры наук о культуре отделения культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, Москва, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, каб. 312. E-mail: olgaroginskaya@gmail.com.

Ключевые слова: женское чтение, детская литература, (домашняя) личная библиотека, буржуазный и массовый читатель.

В статье рассматриваются взгляды Ж.-Ж. Руссо на проблему женского и детского чтения, в частности рассмотрение им романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» как «одной-единственной книги» из разряда художественной литературы, полезной и рекомендуемой для детского чтения. Именно интерпретация Руссо превратила приключенческий роман Дефо в роман для детского чтения и повлекла за собой целый ряд педагогических переделок истории про Робинзона. Сюжетная ситуация необитаемого острова, описанная у Дефо, рассматривается Руссо как обучающая игра, к которой — через чтение — следует приобщиться ребенку. Миметически-игровой, инструментальный способ обращения с романом, подробно описанный Руссо, оказывается прообразом того типа чтения массовой литературы, который будет характерен для культуры современности в целом.

JEAN-JACQUES RECOMMENDS, OR HOW “ROBINSON CRUSOE” BECAME A CHILDREN’S BOOK

OLGA ROGINSKAYA. PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Cultural Studies of the School of Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics.

Address: Room 312, 8/2 Maly Tryokhsvyatitelsky Pereulok, 109028 Moscow, Russia. E-mail: olgaroginskaya@gmail.com.

Keywords: women’s reading, children’s literature, (home) private library, bourgeois reader, mass literature.

The article focuses on Rousseau’s views on the problem of women’s and children’s reading, in particular his interpretation of Daniel Defoe’s “Robinson Crusoe” as the one and only book which can be useful and must be recommended for children. Exactly Rousseau’s interpretation turned Defoe’s novel into a children’s book and brought about a series of pedagogical adaptations of Robinson’s life story. Rousseau considers the “desert island” as a specific kind of plot and adapts it as an educational game, which a child must play through reading Defoe’s novel. A mimetic and instrumental reading of Defoe’s novel, described in detail by Rousseau, served as a model for the kind of fiction reading which became typical for Modernity on the whole.

ДНИМ из ключевых контекстов темы чтения в европейской культуре современности являются педагогические сочинения и трактаты, в которых обсуждаются проблемы женского и детского воспитания и образования. Появление в западной культуре Нового времени фигур женщины-читательницы и читающего ребенка повлекло за собой формирование институтов женской и детской литературы. Новые культурные герои, женщины и дети, вступили в новый для них мир письменной культуры в статусе усердных любопытствующих новичков и сразу же предстали объектами разнообразных патерналистских интеллектуальных манипуляций. Представление о возможном пагубном влиянии «даров цивилизации» на неопытные (в культурном смысле), неподготовленные женские и детские души породило идею сознательного и последовательного ограничения доступа последних к тем или иным культурным ценностям и, соответственно, необходимости их жесткого отбора. С этим связано развитие и распространение идеи о полезном (рекомендуемом) и вредном (запретном) чтении и, в частности, преобладание среди списков детского и женского чтения изданий дидактического характера¹. Ярким представителем подобного патерналистски-педагогического взгляда на проблему чтения был Жан-Жак Руссо.

На первых страницах «Исповеди» (1766–1769) он описывает опыт своего приобщения к чтению в раннем детстве, противо-

В статье использованы результаты исследовательского проекта, выполненного в 2013 году при финансовой поддержке факультета философии НИУ ВШЭ.

1. См. об этом: История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. с фр. М. А. Руновой, Н. Н. Зубкова, Т. А. Недашковой. М.: Издательство ФАИР, 2008. Гл. 11, 12.

поставляя две разные домашние библиотеки и соответствующие им два типа чтения. Одна библиотека осталась после матери и состояла из романов, вторая — принадлежала более образованной семье родственников матери и включала произведения античных авторов и просветительской прозы XVII века. Приобщение к чтению книг из двух этих собраний описано в «Исповеди» по принципу смены дурного и фатального — хорошим («Романы кончились вместе с летом 1719 года². Следующей зимой пошло другое»)³.

Приобщение к романам описывается как занятие интересное, упоительное (Жан-Жак вместе с отцом проводили за чтением ночи напролет, «не могли оставить книги, не дочитав ее до конца») и опасное («У меня еще не было ни малейшего представления о вещах, а уже все чувства были мне знакомы. Я еще ничего не постиг — и уже все переживал»)⁴. Подчеркнуто эмоциональный, аффективный характер романного чтения, провоцирующий развитие богатого читательского воображения, носит опережающий характер по отношению к жизненному опыту и влечет за собой фатальные последствия. Автобиографический герой «Исповеди» в результате пристрастия к подобному чтению «приобрел исключительное для своего возраста знание страстей»:

Волнения, испытываемые мною одно за другим, не извращали разума, которого у меня еще не было; но они образовали его на особый лад и дали мне о человеческой жизни понятия самые странные и романтические; ни опыт, ни размышления никогда не могли как следует излечить меня от них⁵.

2. Отметим, что в 1719 году Руссо было семь лет.
3. Все цитаты из Ж.-Ж. Руссо приводятся по изданию: *Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.*: В 3 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961.
4. Ср.: В трактате «Эмил, или О воспитании» (1762) Руссо начинает пассаж о чтении книг так: «Я ненавижу книги: они лишь учат говорить о том, чего не знаешь». Как отмечает И. Верцман, в парижской рукописи «Исповеди» имеется добавление: «И воображаемые страдания моих героев заставляли меня в детстве проливать слезы во сто раз больше, чем когда бы то ни было мои собственные страдания» (см. вступ. статью И. Е. Верцмана в цитируемом издании Руссо).
5. В 1720-е годы (время приобщения Руссо к чтению) типичная библиотека, состоящая из романов, включала в себя образцы эллинистического, рыцарского, куртуазного и прециозного романов. Объединяющими их все особенностями были мотивы путешествий и любовной верности. С точки зрения читателя первых десятилетий XVIII века, важной чертой романа как жанра было их квазиисторическое содержание: они рассказывали о событиях, локализованных в условном прошлом, что способствовало в том числе и характерному для маньеризма аллегорическому прочтению содержащихся в них историй путешествий и любви. См. об этом: *Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа*. М.: Наука, 1986.

Вторая библиотека

... была составлена, правда, священником и даже ученым, что тогда было в моде, но человеком со вкусом и с умом. «История церкви и империи» Лесюэра, «Рассуждение о всемирной истории» Боссюэ, «Знаменитые люди» Плутарха, «История Венеции» Нани, «Метаморфозы» Овидия, Лабрюйер, «Миры» Фонтенеля, его же «Диалоги мертвых» и несколько томов Мольера⁶ были перенесены в мастерскую моего отца, и я читал их ему каждый день, пока он работал. Я получил к чтению редкое, а в моем возрасте, быть может, исключительное пристрастие. Любимым моим автором стал Плутарх⁷. Удовольствие, которое я испытывал, постоянно перечитывая его, немного излечило меня от моей страсти к романам; скоро я стал предпочитать Агесилая, Брута, Аристиду Орондату, Артамену и Юбе⁸.

Выделение Плутарха в этом списке показательно. Именно герои его «Жизнеописаний» стали заменой романным героям (часто носящим, как уже было отмечено, имена античных героев). Руссо отмечает особую склонность ребенка-читателя к аффективно-игровому восприятию прочитанного, склонности к перевоплощению в любимых персонажей. С этой точки зрения важным педагогическим принципом подбора литературы для детского чтения является поиск положительных образцов для подражания⁹:

6. Список состоит из античных авторов (Плутарх, Овидий) и авторов XVII века — по преимуществу историков (Лесюэр, Боссюэ, Нани) и философов и моралистов (Лабрюйер, Фонтенель). Мольер как комедиограф воспринимался, по всей видимости, в лабрюйеровском духе — как нраво- и бытописатель (создатель характеров и положений) и моралист.
7. Составители сборника «Руссо и древние» (Rousseau et les Anciens / R. Grant, Ph. Stewart (eds.) // *Pensée Libre*. 2001. № 8) замечают: «Руссо-мыслитель с его литературоцентричностью вынес из чтения древних авторов представление о преобразующей силе письменного слова. Создатель таких значимых литературных характеров, как Эмиль, Юлия и его собственный автобиографический герой, он сам стал Плутархом современности».
8. Агесилай, Брут, Аристид — герои древности, описаны в «Жизнеописаниях» Плутарха как патриоты и борцы за счастье родины; Орондат, Артамен, Юбе — герои прециозных, галантно-героических романов, принадлежащих французским романистам XVII века Мадлен де Скюдери и Ги де ля Кальпренеду и включающих в себя темы и мотивы, заимствованные у античных историков. Высмеиваются в сатирическом диалоге Н. Буало «Герои из романов» (*Dialogue sur les héros de roman*, 1688). В этом диалоге Плутон, Меркурий и Минос, перед которыми являются романтические герои с громкими историческими именами, никак не могут узнать в них своих старых знакомцев: имена у них те же, что у античных героев, а речи непонятны, поступки вызывают изумление и смех. К XVIII веку само слово «роман» стало во Франции синонимом неправдоподобного.
9. Показательно, что Джон Локк, во многом повлиявший на формирование педагогических идей Руссо, в «Мыслях о том, что читать и изучать джентльмену» (1703) составляет перечень полезного детского чтения

Беспреданно занятый Римом и Афинами, живя как бы одной жизнью с их великими людьми, сам родившись гражданином республики и сыном отца, самую сильную страстью которого была любовь к родине, я пламенел ею по его примеру, воображал себя греком или римлянином, становился лицом, жизнеописание которого читал; рассказы о проявлениях стойкости и бесстрашия захватывали меня, глаза мои сверкали, и голос мой звучал громко. Однажды, когда я рассказывал за столом историю Сцеволы, все перепугались, видя, как я подошел к жаровне и протянул над нею руку, чтобы воспроизвести его подвиг.

В своих размышлениях о детском чтении главное место Руссо отводит таким разновидностям литературы, которые могут выполнять не прямо предписывающую функцию, а миметически-моделирующую, предполагающую узнавание ребенком себя в том или другом положительно-идеальном образце и желание подражать ему. Важная воспитательная роль при этом отводится беседам о книгах, которые могут носить разъясняющий и при необходимости корректирующий характер:

Интересное чтение, разговоры, которые оно порождает между отцом и мной, воспитали тот свободный и республиканский дух, тот неукротимый и гордый характер, не терпящий ярма и рабства, который мучил меня в продолжение всей моей жизни, проявляясь в положениях, менее всего подходящих для этого.

Указывая на решающее влияние, которые оказывают на неопытного читателя книги миметического типа, Руссо строит свою педагогическую концепцию на идеях положительных образцов и педагогического комментирования. Не случайно жанру беседы о книге он отдает предпочтение перед чтением как таковым: именно обсуждение прочитанного позволяет чтению стать важным средством формирования будущего гражданина, ограничивающего свои эгоистические желания и побуждения рамками той или другой общественно значимой роли¹⁰.

исходя из прагматического, прикладного принципа. Он предлагает формировать детскую библиотеку из образцов хорошего стиля, которые позволяют овладеть искусством правильного письма и речи, политических, исторических, географических сочинений, сатирических и нравоописательных трактатов, словарей и лишь в самую последнюю очередь — художественной прозы, отвечающей за развлечение и удовольствие и при этом максимально свободной от непристойностей и нечестивостей, портящих хорошие нравы. Локк не учитывает беллетристическую составляющую сюжетных произведений, склонность ребенка к миметическому восприятию и воспроизведению прочитанного. См.: *Локк Дж.* Соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 609–614.

10. Именно в этой логике действует Руссо-писатель в своем романе «Юлия, или Новая Элоиза», пытаюсь привести своих страстных, чувствительных

Руссо в своих размышлениях о чтении оперирует — в духе просветительской традиции — перечнями и списками. Более того, описанная им в «Исповеди» автобиографическая история воспитания характера посредством экстенсивного чтения носит гендерно маркированный характер: именно мальчику (будущему гражданину, публичному человеку) следует читать много (важен лишь момент правильного подбора книг). Девочкам же больше подходит интенсивный тип чтения, направленный на «воспитание сердца» через погруженность в прочитанное посредством разнообразного обсуждения немногочисленных читательских впечатлений. В письме XII романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) изложена учебная программа, которую составляет для своей ученицы и возлюбленной Сен-Пре. Он ограничивает занятия Юлии «чтением книг нравственных и отмеченных хорошим вкусом».

Чем меньше вы будете читать, тем тщательнее следует выбирать книги. <...> Нужно приучить себя чувствовать и видеть великое, дабы лишиться себя оправдания в том, что не подражаешь ему. Душа возвышается, сердце воспламеняется от созерцания божественных образцов; чем больше размышляешь о них, тем больше стремишься уподобиться им, и все посредственное уже внушает тебе невыносимое отвращение. Не станем же в книгах искать начал и правил, которые скорее обретишь внутри самого себя. <...> Постараемся подражать великим примерам, а не следовать бесполезным системам.

Однако в педагогическом романе «Эмиль, или О воспитании» (1762) в контексте рассуждений о естественном воспитании Руссо универсализирует идею интенсивного характера детского чтения, распространяя эту — изначально «женскую» — модель на воспитание Эмиля. Руссо переходит от списков и перечней к проекту одной-единственной книги, в которой сосредоточено все необходимое для полноценного формирования личности ребенка:

Нет ли средства сблизить всю массу уроков, рассеянных в стольких книгах, свести их к одной общей цели, которую легко было бы видеть, интересно проследить и которая могла бы служить стимулом даже для этого возраста?

По логике Руссо-педагога это должна быть книга, в основе сюжета которой лежит важное — с педагогической точки зрения —

героев к норме упорядоченной жизни, в которой нет места опубликованию тайн внутренней жизни. Так, вся вторая часть романа посвящена описанию семейной утопии четы Вольмар, организующих собственную личную жизнь и хозяйство в имении по модели маленького независимого государства исключительно на разумных основаниях.

условное (фантастическое) допущение, своего рода идеальная модель:

Если можно изобрести положение, при котором все естественные потребности человека обнаруживались бы ощутительным для детского ума способом и средства удовлетворить эти самые потребности развивались бы постепенно с одной и той же легкостью, то живая и простодушная картина этого положения должна служить первым предметом упражнения для воображения ребенка.

С точки зрения Руссо, «положение это найдено и описано» — функцию идеальной модели он примеряет к уже существующей, написанной книге:

Если уж нам непременно нужны книги, то существует книга, которая содержит, по моему мнению, самый удачный трактат о естественном воспитании. Эта книга будет первою, которую прочтет Эмиль; она одна будет долго составлять всю его библиотеку и навсегда займет в ней почетное место. Она будет текстом, для которого все наши беседы по естественным наукам будут служить лишь комментарием. При нашем движении вперед она будет мерилom нашего суждения; и, пока не испортится наш вкус, чтение этой книги всегда нам будет нравиться. Что же это за чудесная книга? Не Аристотель ли, не Плиний ли, не Бюффон ли? Нет. Это «Робинзон Крузо»¹¹.

Статус единственной книги, которая долго будет составлять всю библиотеку Эмиля, провоцирует напрашивающееся срав-

11. Очередной список Руссо, в котором снова объединены «старые» и «новые», — философ-систематизатор (Аристотель) и энциклопедисты-естествоиспытатели (Плиний Старший и Бюффон). Очевидно, что в воспитательной логике Руссо преимущество перед ними романа Дефо — убедительная сюжетная ситуация, предполагающая утверждение характера главного героя через прохождение им серьезного жизненного испытания. Ср. с Дж. Локком: «Из всей художественной прозы я не знаю книги, равной „Истории Дон-Кихота“ Сервантеса по полезности, остроумию и неизменному следованию чувству приличного. И в самом деле, приятны только те произведения, в основе которых лежит Природа и которые являют нам срисованную с нее копию» (Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 3. С. 614). Интересно, что Локк, как и впоследствии Руссо, выбирает на роль *самой полезной книги* произведение, в основе сюжета которого лежит рационально-искусственно сконструированная сюжетная ситуация, почти фантастическая мотивировка. Однако, по мысли Локка, сюжет романа Сервантеса обеспечивает точное и верное отображение человеческой природы («срисованную с нее копию»), Руссо же интересуется личностный, воспитательный аспект романа и, соответственно, сюжетная ситуация необитаемого острова как ситуация испытания главного героя.

нение с Библией как символом интенсивного типа чтения¹². Роман Дефо (1719) в интерпретации Руссо если и Библия, то детская. По замыслу Руссо, «Робинзон Крузо» становится для ребенка той единственной книгой, с которой ежедневно сверяют мысли и поступки. Сам характер подобной сверки носит, однако, сугубо светский и, более того, нововременной, современный характер: книга несет в себе функцию не комментирования и толкования, а образца для подражания и руководства к действию, гида и практического пособия.

Идеальной сюжетной ситуацией, способствующей раскрытию и развитию естественных (природных) способностей ребенка и — главное — включению подсознательных механизмов отбора главного, необходимого и отказа от лишнего, становится, по мысли Руссо, необитаемый остров (показательно, что Руссо рекомендует редуцировать сюжет, освободить его *от всяких пустяков*, оставив от романа Дефо только историю пребывания Робинзона на необитаемом острове — от кораблекрушения до прибытия корабля)¹³.

Представьте себе философа, сосланного на необитаемый остров со своими инструментами и книгами и уверенного, что он проведет там одиноко остаток своих дней: он не станет уже хлопотать о системе мира, о законах притяжения, о дифференциальном исчислении; он, быть может, во всю жизнь не откроет ни одной

12. «Интенсивный» читатель имеет дело с ограниченным количеством книг, которые он читает и перечитывает, запоминает и пересказывает, выучивает наизусть и передает из поколения в поколение. Религиозные тексты, а в протестантских странах в первую очередь Библия, были привилегированным объектом для этого вида чтения, носившего глубоко сакральный характер. Начиная с «революции чтения», охватившей Европу в XVIII веке, «интенсивный» тип чтения был характерен для читателей романов и для массового читателя народной литературы, написанной по старинным образцам. См. об этом: Введение Р. Кавалло и Р. Шартье к книге: История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. с фр. М. А. Руновой, Н. Н. Зубкова, Т. А. Недашковой. С. 9–52.
13. Многие исследователи отмечают, что Руссо ознакомился с романом Дефо по французскому адаптированному переводу и планировал осуществить свой «перевод» — предположительно на основе многочисленных существовавших к тому моменту французских переводов. Это лишь раз подтверждает интерес Руссо не собственно к оригиналу (роману Дефо), а к заложенной в нем сюжетной ситуации и типу личности главного героя. См. в том числе и об этом: *Pire G. Rousseau et «Robinson Crusoe» // Revue de la Littérature Comparée. 1951. № 30. P. 493–495; Bellhouse M. L. On understanding Rousseau's praise of Robinson Crusoe // Canadian Journal of Social and Political Theory. 1982. № 6. P. 120–137; Watt I. Myths of Modern Individualism: Faust, Don Quixote, Don Juan, Robinson Crusoe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 172–177.*

книги; но он ни в каком случае не преминет обойти до последнего уголка свой остров, как бы ни был он велик.

Заданная здесь оппозиция необходимого/избыточного отсылает к руссоистской критике европейской цивилизации и указывает на утопическую составляющую воспитательного проекта мыслителя: необитаемый остров берет на себя функцию утопии, обеспечивая условия, которые позволяют оградить ребенка от соблазна приобщения к избыточным дарам цивилизации.

Выкинем же из наших первых занятий и те познания, стремление к которым не оказывается естественным для человека, и ограничимся теми, к которым влечет нас инстинкт.

Это условная, искусственно смоделированная ситуация, границы которой четко указаны спецификой самого сюжета:

Роман этот, освобожденный от всяких пустяков, начинающийся с кораблекрушения Робинзона возле его острова и оканчивающийся прибытием корабля, который возьмет его оттуда, будет для Эмиля одновременно и развлечением, и наставлением в ту пору, о которой идет здесь речь.

Руссо превращает роман Дефо в детскую игру, игнорируя его текстовую, литературную составляющую. Это не чтение как таковое, а игровое общение с книгой, конструирование параллельной реальности, театрализованное разыгрывание роли и ситуации. Ребенку — с опорой на роман — Дефо предлагается «поробинзонить», сыграть в Робинзона и в результате сыграть Робинзона («предположим, что ты оказался на необитаемом острове»). Роман прочитывается в логике сценария детской игры:

Я хочу, чтобы у него голова пошла кругом от этого, чтоб он беспрестанно занимался своим замком, козами, плантациями; чтоб он изучил в подробности — не по книгам, а на самих вещах — все то, что нужно знать в подобном случае; чтоб он сам считал себя Робинзоном, чтобы представил себя одетым в шкуры, с большим колпаком на голове, с большою саблей, во всем его странном наряде, исключая зонтик, в котором он не будет нуждаться.

При резко отрицательном отношении Руссо к театру как квинт-эссенции публичности (зритель заражается от актера страстью к перевоплощению, что приводит к потере собственного «я») его увлечение идеями игры и переодевания в рамках размышлений над вопросами воспитания особенно показательно. В чем отличие придуманной Руссо игры в Робинзона от актерской дея-

тельности как таковой? Думается, в отсутствии в первом случае зрителя, публики. Если актер играет «сам для себя», проблемы разрыва между «я» и ролью не возникает. Ролевое поведение характерно именно для тех аспектов человеческой жизни, которые так или иначе предполагают аспект публичности. Не случайно Руссо критикует театр в рамках общей критики устройства городской жизни, фиксируя в том числе выход театральных практик за пределы собственно сцены («Письмо к Даламберу о зрелищах» [1758]). Актерское усилие Эмиля, играющего (в) Робинзона, принципиально непсихологично: Робинзон в интерпретации Руссо не характер, а ситуация:

Я хочу, чтоб он задавался вопросами, какие принимать меры в случае недостатка того или иного предмета, чтоб он внимательно проследил поведение своего героя, поискал, не опустил ли тот чего, нельзя ли было сделать что-нибудь лучше, чтоб он старательно отметил его ошибки и воспользовался ими, чтобы при случае самому не делать подобных промахов; ибо будьте уверены, что он и сам захочет осуществить подобного рода поселок; это настоящий воздушный замок для того счастливого возраста, когда не знают иного счастья, кроме обладания необходимым и свободы.

Представление о естественном как необходимом достигается посредством подчеркнуто искусственного испытания, через которое проходит ребенок, как педагогического приема:

Робинзон Крузо на своем острове — один, лишенный помощи себе подобных и всякого рода орудий, обеспечивающий, однако, себе пропитание и самосохранение и достигающий даже некоторого благосостояния, — вот предмет, интересный для всякого возраста, предмет, который тысячью способов можно сделать занимательным для детей. Вот каким путем мы осуществляем необитаемый остров, который служил мне сначала для сравнения.

Отголоски «Письма к д'Аламберу о зрелищах» можно обнаружить в оговорке, которую вынужден сделать Руссо, размышляя об Эмиле-Робинзоне:

Конечно, человек в этом положении не есть член общества; вероятно, не таково будет и положение Эмиля; но все-таки по этому именно положению он должен оценивать и все другие.

Ситуация необитаемого острова, его изолированное положение гарантируют свободу от предрассудков и необходимости играть на публике ту или иную роль:

Самый верный способ возвыситься над предрассудками и сообразоваться в своих суждениях с истинными отношениями ве-

щей — это доставить себя на место человека изолированного и судить обо всем так, как должен судить этот человек, — сам о своей собственной пользе.

Представляется, что усиливает педагогическую составляющую в истории Робинзона еще и факт ординарности героя. Именно это позволяет читателю — в нашем случае детскому читателю — с легкостью вжиться в его образ. Иан Вотт, рассматривающий «Робинзона Крузо» как один из четырех великих мифов западной цивилизации наряду с ренессансными мифами о Фаусте, Дон Жуане и Дон Кихоте (каждый из которых олицетворяет то или иное ключевое желание западного человека), указывает на такие характеристики этого героя, как эгоцентричность и ординарность, а сюжетную ситуацию определяет как обычный человек в исключительных обстоятельствах¹⁴.

Мы не располагаем историческими свидетельствами современников Руссо, которые позволили бы нам судить о том, существовали ли попытки реализовать этот педагогический проект. Известно, однако, что с момента выхода в свет «Эмиля» изменился характер литературных переделок романа Дефо. За сорок с небольшим лет, которые разделяют выход в свет «Робинзона Крузо» и «Эмиля», в Европе появилось огромное число его переводов, переделок и подражаний, эксплуатирующих авантурную сторону этого романного сюжета¹⁵. Как замечает А. Аникст, «тенденция замены реалистического момента, столь характерного для Дефо, моментом фантастическим является типичной для значительного большинства робинзонад этого периода»¹⁶. Небывалый успех романа среди буржуазной публики спровоциро-

14. Watt I. The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding. University of California Press, 1959. P. 85.

15. См. об этом: Аникст А. Робинзонада // Литературная энциклопедия: В 11 т. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-тут «Советская Энциклопедия», 1935. Т. 9. С. 721–722. О характере этих переделок свидетельствует приведенное Аникстом обстоятельное заглавие романа «Морское путешествие Петра Вилькинса» Роберта Пултока (Pultock): «Жизнь и приключения Петра Вилькинса родом из Корнуэлла, повествующая о кораблекрушении, которое он потерпел вблизи Южного полюса; о его чудесном проходе через подземную пещеру в некий новый мир; его встречу там с Летящей женщиной, чью жизнь он спас и на ком впоследствии женился; его необычайный перелет в страну летающих мужчин и женщин; описание этой странной страны с ее законами, обычаями и нравами обитателей; замечательные деяния автора среди этого народа; записанная с его слов во время путешествия с мыса Горн в Америку на корабле „Гектор“, с предисловием, описывающим необычайный способ, каким он прибыл на борт корабля, и его смерть в 1739-м по сошествии на берег в Плимуте; написано Р. С., пассажиром на „Гекторе“».

16. Там же. С. 722.

вал многочисленные переработки сюжета о Робинзоне: сюжетная ситуация необитаемого острова превратилась в непреходящую интригу для читателя-буржуа. Педагогический же резонанс романа о Робинзоне был во многом подготовлен той интерпретацией романа, которая была предложена Руссо в «Эмиле». Так, под влиянием Руссо в 1779 году был написан немецкий «Новый Робинзон» И. Г. Кампе, в котором история Робинзона изложена и прокомментирована в воспитательном разговоре отца с детьми¹⁷, и «Швейцарский Робинзон» пастора Й. Д. Висса (1811), изобразившего целую семью Робинзонов (отец, мать и четверо сыновей, обладающих разными характерами), при этом проблема, поставленная автором, — это проблема примирения личных склонностей и интересов с интересами коллектива¹⁸. История Робинзона была пересказана и адаптирована соратником Льва Толстого, учителем яснополянской школы А. П. Сердобольским для одной из изданных в качестве приложения к журналу «Ясная Поляна» «Книжки для детей» (рассказ «Робинзон», № 2, 1862) и стала первым литературным сюжетом, попавшим в этом детском журнале в окружение пересказанных для детей сказок и притч.

В детскую (поструссоистскую) парадигму примеров обращений к сюжетной ситуации Робинзона вписывается и выходящий в советской России в 1923–1925 годах детский журнал «Новый Робинзон». В предисловии к первому номеру журнала с обновленным названием (первоначально издание называлось «Воробей») Самуил Маршак писал:

Ну, а вся наша теперешняя жизнь? Разве она не робинзонская? <...> Русские рабочие и крестьяне сейчас делают то, что до них еще никогда и никто не делал. <...> И наш «Новый Робинзон» — только маленький молоточек среди десятков тысяч огромных рабочих молотов, кующих новую жизнь...¹⁹

17. В английском переводе 1789 года название книги развернуто: «Новый Робинзон Крузо: поучительная и увлекательная история для детей обою пола» (*The new Robinson Crusoe: an instructive and entertaining history, for the use of children of both sexes*). На первых страницах книги рассказывается о мистере Биллингфлее, составившем педагогическую программу воспитания собственных детей и в течение нескольких недель по вечерам у камина вместе с супругой и близкими друзьями читавшем и комментировавшем детям историю нового Робинзона.

18. О превращении «Робинзона Крузо» в детскую обучающую книгу см.: *Lerer S. Children's Literature: A Reader's History, from Aesop to Harry Potter*. 6. *Canoes and Cannibals. Robinson Crusoe and its legacies*. Chicago: University of Chicago Press. 2008. P. 129–150.

19. Цит. по: *Волотова Н.* Как создавался «Робинзон» // «Я думал, чувствовал, я жил»: Воспоминания о Маршаке. М.: Советский писатель, 1988. С. 188–196.

В рубриках журнала, в которых преобладает репортажное начало, очевиден акцент на прагматической, деятельностной, технологической составляющей:

Волшебной сказкою, феями, эльфами и королями не заинтересуешь современного ребенка. Ему нужна другая литература — литература реалистическая, литература, черпающая свой источник из жизни, зовущая к жизни.

Робинзон становится символом трудовой деятельности как таковой. Еще одним доводом в доказательство прочтения редакцией журнала истории Робинзона через интерпретацию Руссо является акцент на игровой, занимательной составляющей журнальных материалов, отказ от прямой дидактики, что напрямую соотносится с идеей Руссо об игре в Робинзона, театрализации ситуации необитаемого острова в воспитательных и обучающих целях²⁰.

Один из литературных продолжателей Д. Дефо, автор приключенческих романов, писатель-фантаст XIX века Жюль Верн, в своих «Воспоминаниях о детстве и юности» замечает:

Надо сказать, что в детстве из всех книг я больше всего любил «Швейцарского Робинзона», предпочитая его «Робинзону Крузо». Я хорошо знал, что сочинение Даниеля Дефо философски более значимо. В нем предоставленный сам себе человек, одинокий человек, находит в один прекрасный день след голы ноги на песке! Но произведение Висса, богатое событиями и приключениями, интереснее для молодых мозгов. Там изображена целая семья: отец, мать, дети — и их различные поступки. Сколько лет я провел на их острове! С каким пылом присоединялся к их открытиям! Как завидовал их судьбе! Стоит ли удивляться, что в «Таинственном острове» меня непреодолимо подталкивало вывести на сцену научных Робинзонов, а в романе «Два года каникул» — целый пансион Робинзонов²¹.

Обратим внимание на то, что Верн воспринимает роман Дефо как философский и сложный и, будто бы противясь упрощенческой интерпретации Руссо, прочитывает историю Робинзона в антирусоистском ключе, предлагая в качестве ключа к пониманию мотив одиночества главного героя, его тоски по Другому (Верн невольно предсказывает появление веком позже художественной интерпретации романа Дефо, написанной Мишелем

20. Показательно, что упор на занимательность, отказ от прямой дидактики в журнале вызвали резкую критику педагогов и педологов, а также комсомольских деятелей, в результате чего журнал был закрыт.

21. Верн Ж. Воспоминания о детстве и юности (1891) // Верн Ж. Воспоминания о детстве и юности. Дядюшка Робинзон. Паровой дом. М.: Ладомир, 2001. Т. 2. С. 7–18.

Турнье [«Пятница, или Тихоокеанский лимб», 1967], в центре которой лежит проблематика Другого)²². С точки зрения самого Руссо, в ситуации необитаемого острова у ребенка сначала возникает потребность обустроить жизнь вокруг себя и лишь затем — потребность в другом:

Впрочем, поспешим поселить его на этот остров, пока он ограничивает этим свои мечты о счастье; ибо близок день, когда если он захочет на нем жить, то жить не один, когда его ненадолго удовлетворит и Пятница, на которого он теперь не обращает внимания.

Более того, воспоминания Верна включают в себя и рассказ о ревоплощении в Робинзона — в прямом соответствии с предписаниями Руссо. Писатель в главе о раннем детстве рассказывает о своем одиноком путешествии на утлом ялике по реке, закончившемся долгожданным кораблекрушением и вынужденной остановкой на маленьком островке:

Но на моем островке не было героев Висса. Там находился герой Даниеля Дефо, воплотившийся в моей собственной персоне. В мечтах я уже строил шалаш из ветвей, мастерил из тростника леску, а из иголок крючок, разжигал огонь подобно древним людям: тер один сухой кусок дерева о другой. Сигналы бедствия?.. Я их не подавал, потому что их бы очень скоро заметили и меня бы спасли, прежде чем я того захочу! Прежде всего надо было утолить голод. Но как? Вся моя провизия утонула вместе с лодкой. Поохотиться на птиц?.. Не было ни ружья, ни собаки! Ладно, а моллюски?.. И их не было! В конце концов, я же знал о муках одиночества, об ужасах кончины на пустынном острове, как это знали Селкирк и прочие персонажи «Знаменитых кораблекрушений», которые вовсе не были выдуманными Робинзонами! Мой желудок кричал!..

Ироническое развитие рассказанной Верном истории показательно развенчивает воспитательно-утопический игровой проект, замысленный Руссо: все попытки поиграть в Робинзона очень скоро оставляют маленького героя наедине с самим собой, обострившимся чувством одиночества и переживанием сильного голода. Показательно, чем завершается эта история:

Это длилось всего несколько часов, пока не начался отлив и я не смог пройти, по лодыжку в воде, до того места, которое называл континентом, то есть на правый берег Луары. И я преспокойно вернулся домой, где принужден был удовлетвориться семей-

22. См.: Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб.: Амфора, 1999. С. 282–302; Watt I. Myths of Modern Individualism. P. 255–267.

ным ужином вместо закуски на манер Робинзона Крузо, о которой мечтал; она состояла бы из сырых моллюсков, куска пекари и хлеба из маниоковой крупы!²³

Пародийно-юмористический ресурс дидактической версии сюжета о Робинзоне, утвердившейся в европейской культуре благодаря Руссо, использовали Илья Ильф и Евгений Петров для своего первого фельетона, опубликованного в газете «Правда» в 1932 году. В рассказе «Как создавался Робинзон» писатель МолдавANCEV выполняет заказ для иллюстрированного двухдекадника «Приключенческое дело». Сюжет придуманной МолдавANCEV истoрии о советском Робинзоне следующий:

Советский юноша терпит кораблекрушение. Волна выносит его на необитаемый остров. Он один, беззащитный, перед лицом могучей природы. Его окружают опасности: звери, лианы, предостоящий дождливый период. Но советский Робинзон, полный энергии, преодолевает все препятствия, казавшиеся непреодолимыми. И через три года советская экспедиция находит его, находит в расцвете сил. Он победил природу, выстроил домик, окружил его зеленым кольцом огородов, развел кроликов, сшил себе толстовку из обезьяньих хвостов и научил попугая будить себя по утрам словами: «Внимание! Сбросьте одеяло, сбросьте одеяло! Начинаем утреннюю гимнастику!»²⁴

Показательно, что фельетонный сюжет развивается в логике абсурда, вскрывая непригодность истории Робинзона для отражения советской действительности: в результате бурных дебатов с редактором МолдавANCEV вынужден поселить на остров представителей месткома и профсоюзов и в конце концов убрать из списка персонажей самого Робинзона.

Юмористическим развитием изложенной в «Эмиле» идеи Руссо о «Робинзоне Крузо» как детской Библии является одна из сюжетных линий романа Уилки Коллинза «Лунный камень» (1866), связанная с дворецким Габриэлем Беттереджем²⁵, для которого роман Дефо является настольной книгой. Уже в первой главе первой части романа он рассказывает о себе следующее:

Я не суеверен; я прочел множество книг за свою жизнь; я, можно сказать, в своем роде ученый. Хотя мне минуло семьдесят, память у меня крепкая и ноги тоже. Пожалуйста, не считайте меня невеждой, когда я выражу свое мнение, что книги, подобной

23. Верн Ж. Указ. соч. С. 7–18.

24. Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: В 4 т. М.: Советский писатель, 1939. Т. III. Впервые опубли.: *Они же*. Рассказ//Правда. 27 октября 1932. № 298.

25. Хочу выразить свою признательность Татьяне Юрьевне Сидориной за указание мне на этот литературный пример.

«Робинзону Крузо», никогда не было и не будет написано. Много лет обращался я к этой книге — обыкновенно в минуты, когда покуривал трубку, — и она была мне верным другом и советчиком во всех трудностях этой земной юдоли. В дурном ли я расположении духа — иду к «Робинзону Крузо». Нужен ли мне совет — к «Робинзону Крузо». В былые времена, когда жена чересчур надоест мне, и по сей час, когда чересчур приналягу на стаканчик, — опять к «Робинзону Крузо». Я истрепал шесть новеньких «Робинзонов Крузо» на своем веку. В последний день своего рождения миледи подарила мне седьмой экземпляр. Тогда я по этому поводу хлебнул лишнего, и «Робинзон Крузо» опять привел меня в порядок. Стоит он четыре шиллинга шесть пенсов в голубом переплете, да еще картинка в придачу²⁶.

Дворецкий Беттередж в романе Коллинза далек от детского возраста («Хотя мне минуло семьдесят, память у меня крепкая и ноги тоже»), и этот факт эффектно отстраняет воспитательный аспект замысла Руссо. Перед нами наивный, новый — в историко-культурном смысле — читатель, изменивший историю чтения в эпоху Модерна и транслирующий — в своем признании — характерные для массового читателя привычки и предпочтения: обращение к книге с прагматическими целями, с одной стороны (книга — верный друг и советчик «во всех трудностях этой земной юдоли», ср. там же: «Раскройте первую часть „Робинзона Крузо“ на странице сто двадцать девятой, и вы найдете следующие слова: „Теперь я вижу, хотя слишком поздно, как безрассудно предпринимать какое-нибудь дело, не рассчитав все его издержки и не рассудив, по нашим ли оно силам“). Только вчерашний день раскрыл я моего „Робинзона Крузо“ на этом самом месте...»), и с гурмански-досуговыми — с другой (герой обращался к книге «в минуты, когда покуривал трубку», «когда жена чересчур надоест...», а также *когда хлебнет лишнего*). Особенно репрезентативен мотив истрепавшейся книжки как прообраза массовых карманных изданий (*pocket books*). Показательно, что сближение с Руссо в данном случае осуществляется через мотив единственной (универсальной) книги и воспитательно-педагогического ресурса, которым обладает книга Дефо; при этом неостребованной оказывается столь значимая для Руссо ситуация необитаемого острова. Вне этого роман Дефо превращается для героя коллинзовского романа в сборник афоризмов житейской мудрости («общих мест»), приложимых к любой жизненной ситуации, а сам процесс чтения приобретает характеристики метонимической причастности к мудрости и универсальности печатного слова как такового²⁷.

26. Коллинз У. Соч.: В 3 т. М.: Терра, 1992. Т. 2. Лунный камень.

27. В этом смысле Габриэль Беттередж оказывается персонажем из той же

Подытоживая характер историко-культурных перипетий, связанных с рецепцией романа Дефо и, в частности, решающей ролью, которую в этом процессе сыграла предложенная Руссо интерпретация ситуации Робинзона Крузо, можно констатировать влияние Руссо и на формирование европейской культуры массового чтения как чтения одновременно миметического (потребность перевоплотиться в литературного героя и соотноситься с сюжетной ситуацией), сюжетно-ориентированного (остросюжетность как важный фактор привлечения и удержания читательского внимания, в случае с романом Дефо так действует ситуация необитаемого острова как частный случай универсальной ситуации испытания героя), инструментально-прагматического (книга как учебник жизни), оценочного, этически заряженного (книга как свод морально-этических норм). Здесь можно вспомнить, как в связи с выходом в свет романа «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) Руссо отчетливо противопоставил две разные категории читателей. Вкус благородных читателей (людей света) будет оскорблен, а вот простые читатели (читатели нового типа) прольют слезы над судьбами героев романа. Более того, чтение может носить нравственно-полезный характер только во втором случае (в то время как чтения, полезного в нравственном смысле для светских людей, не может быть в принципе)²⁸. К новому типу читателей — в логике развития европейской культуры современности — относится и ребенок, а следование рецепту чтения, составленного Жан-Жаком Руссо в отношении «Робинзона Крузо», сформирует в дальнейшем из маленького читателя нового культурного героя, а именно читателя массового.

парадигмы читающих литературных героев, к которой относится, например, еще один литературный слуга — гоголевский лакей Петрушка («Мертвые души», 1842), который, как известно, «характера... был больше молчаливого, чем разговорчивого; имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит. Это чтение совершалось более в лежачем положении в передней, на кровати и на тюфяке, сделавшемся от такого обстоятельства убитым и тоненьким, как лепешка» (*Гоголь Н. В. Мертвые души. Том первый* // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 6. С. 20).

28. См. об этом, напр.: *Дарнтон Р. Читатели Руссо откликаются: сотворение романтической чувствительности* // Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды французской культуры. М.: НЛО, 2002. С. 251–299.

REFERENCES

- Anikst A. Robinzonada [Robinsonade]. *Literaturnaia entsiklopediia: v 11 t.* [Encyclopaedia of literature in 11 vols.], Moscow, OGIZ RSFSR, Gosudarstvennyi institut "Sovetskaia Entsiklopediia", 1935, vol. 9, pp. 721–722.
- Bellhouse M. L. On understanding Rousseau's praise of Robinson Crusoe. *Canadian Journal of Social and Political Theory*, 1982, no. 6, pp. 120–137.
- Collins W. Lunnyi kamen' [The Moonstone]. *Sochineniia: v 3 t.* [Works in 3 vols.], Moscow, Terra, 1992, vol. 2.
- Darnton N. *Velikoe koshach'e poboishche i drugie epizody frantsuzskoi kul'tury* [The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History], Moscow, NLO, 2002.
- Deleuze G. Mixel' Turne i mir bez Drugogo [Michel Tournier et le monde sans autrui]. In: Turne M. *Piatnitsa, ili Tikhookeanskii limb* [Tournier M. Vendredi ou les Limbes du Pacifique (1967)], Saint Petersburg, Amfora, 1999, pp. 282–302.
- Cavallo G., Chartier R., eds. *Istoriia chteniia v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dnei* [A History of Reading in the West: from Antiquity to Our Times] (trans. M. A. Runova, N. N. Zubkov, T. A. Nedashkovskaia), Moscow, FAIR, 2008.
- Gogol N. Mertvye dushi. T. I [Dead souls, vol. I]. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete works in 14 vols.], Moscow, Saint Petersburg, Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1952, vol. 6.
- Ilf I., Petrov E. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works in 4 vols.], Moscow, Sovetskii pisatel' [Soviet writer], 1939, vol. 3.
- Lerer S. Canoes and Cannibals. Robinson Crusoe and its legacies. *Children's Literature: A Reader's History, from Aesop to Harry Potter*, Chicago, University of Chicago Press, 2008, ch. 6, pp. 129–150.
- Locke J. Mysli o tom, chto chitat' i izuchat' dzhentl'menu (1703) [Some thoughts concerning reading and study for a gentleman (1703)]. *Sochineniia: v 3 t.* [Works in 3 vols.], Moscow, Mysl', 1988, vol. 3, pp. 609–614.
- Meletinsky E. M. *Vvedenie v istoricheskuiu poetiku eposa i romana* [Introduction into Historical Poetics of Epos and Novel], Moscow, Nauka [Science], 1986.
- Pire G. Rousseau et "Robinson Crusoe". *Revue de la Littérature Comparée*, 1951, no. 30, pp. 493–495.
- Rousseau et les Anciens (eds. R. Grant, Ph. Stewart). *Pensée Libre*, 2001, no. 8.
- Rousseau J.-J. *Émile ou de l'Éducation* (livre II). *Œuvres complètes*, Paris, Gallimard, 1969.
- Rousseau J.-J. Iuliia, ili Novaia Eloiza (1761) [Julie ou la Nouvelle Héloïse]. *Izbrannye sochineniia: v 3 t.* [Selected works in 3 vols.], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1961, vol. 2.
- Verne J. *Vospominaniia o detstve i iunosti* [Memoirs of childhood and youth]. *Vospominaniia o detstve i iunosti. Diadiushka Robinzon. Parovoi dom* [Memoirs of childhood and youth. Uncle Robinson. Steam house], Moscow, Ladimir, 2001, vol. 2.
- Volotova N. Kak sozdavalsia "Robinzon" [How Robinson had been created]. "Ia dumal, chuvstvoval, ia zhil": *Vospominaniia o Marshake* [I was thinking, filling, living: the memoirs of Marshak], Moscow, Sovetskii pisatel', 1988, pp. 188–196.
- Watt I. *Myths of Modern Individualism: Faust, Don Quixote, Don Juan, Robinson Crusoe*, Cambridge, Cambridge University Press, 1996.
- Watt I. *The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding*, University of California Press, 1959.